МАЯКОВСКИЙ

РАЗГОВОР С ФИНИНСПЕКТОРОМ О ПОЭЗИИ

ЗАККНИГА

В. МАЯКОВСКИЙ

РАЗГОВОР С ФИНИНСПЕКТОРОМ О ПОЭЗИИ

Обложка и монтаж
А. Родченко

АКЦ. О-ВО „ЗАККНИГА"

— 1926 —

.5000 экз. отпечатано в типографии „Кр. Воин“, ул. Горького, 1.
Тифлис. Главлит № 797.

РАЗГОВОР

С ФИНИНСПЕКТОРОМ О ПОЭЗИИ

Гражданин фининспектор!
Простите за безпокойство...
Спасибо...
не тревожьтесь...
я постою...
У меня к вам
дело
деликатного свойства
О месте
поэта
в рабочем строю.
В ряду
имеющих
лабазы и угодья,
и я обложен
и должен караться—
Вы требуете
с меня
пятьсот в полугодие
и двадцать пять

за неподачу деклараций.
Труд мой
любому
труду
родствен.
Взгляните—
сколько я потерял,
какие
издержки
в моем производстве
и сколько тратится
на материал.
Вам
конечно известно
явление „рифмы“
Скажем,
строчка
окончилась словом
„отца“
и тогда,
через строчку,
слога повторив мы,
ставим
какое нибудь
Л а м ц а д р и ц а ц а.
Говоря по вашему,
рифма—

вексель.
— Учесть через строчку!—
вот распоряженье.
И ищешь
мелочишку суффиксов и флексий
в пустующей кассе
склонений
и спряжений.
Начнешь это
слово
в строчку всовывать,—
а оно не лезет—
нажал и сломал.
Гражданин фининспектор,—
честное слово,
поэту
в копеечку встают слова.
Говоря по нашему,
рифма—
бочка.
Бочка с динамитом.
Строчка—
фитиль.
Строка додымит,
взрывается строчка,—
и город
на воздух

строфой летит.
Где найдешь,
на какой тариф,
рифмы,
что б враз убивали, нацелясь?
Может,
пяток
небывалых рифм
только и остался,
что в Венэцуэле.
И тянет
меня
в холода и в зной.
Бросаюсь,
опутан в авансы и в займы я.
Гражданин,
учтите билет проездной!
Поэзия
вся!—
езда в незнаемое.
Поэзия
та же добыча радия
в грамм добыча—
в год труды.
Изводишь
единого слова ради
Тысячи тонн

словесной руды.
Но как
испепеляюще
слов этих жжение
рядом
с тлением
слова сырца!
Эти слова
приводят в движение
тысячи лет
миллионов сердца.
Конечно,
различны поэтов сорта.
У скольких поэтов
легкость руки!
Тянет,
как фокусник,
строчку изо рта
и у себя
и у других.
Что говорить
о лирических кастратах?!
Строчку
чужую
вставит и рад.
Это
обычное

воровство и растрата,
среди охвативших страну растрат...
Эти
сегодня
стихи и оды,
в аплодисментах
ревущие ревмя,
войдут
в историю
как накладные расходы,
на сделанное
нами,
двумя или тремя.
Пуд,
как говорится,
соли столовой
с'ешь
и сотней папирос клуби,
чтобы
добыть
драгоценное слово
из артезианских
людских глубин.
И сразу
ниже
налога рост.
Скиньте

с обложенья
нуля колесо
Рубль девяносто
сотня папирос,
рубль шестьдесят
столовая соль.
В вашей анкете
вопросов масса—
— были выезды?
или выездов нет?
а что,
если я
десяток пегасов
загнал
за последние
15 лет?!
У вас,
в мое положение войдите—
про слуг
и имущество
с этого угла.
А что,
если я—
народа водитель
и одновременно—
народный слуга.

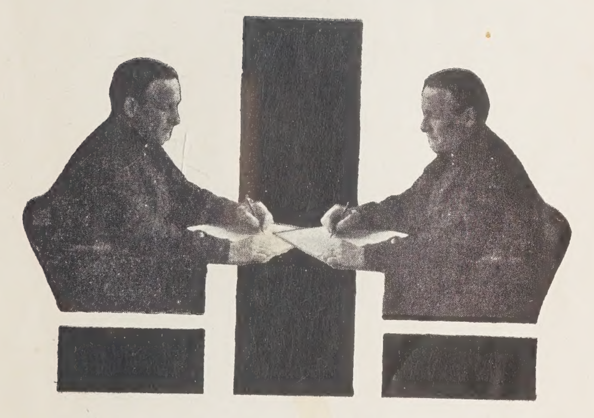
Класс
гласит
из слова из нашего,
а мы
пролетарии
двигатели пера.
Машину
души
с годами изнашиваешь.
Говорят—
в архив,
исписался,
пора!
Все меньше любится,
все меньше дерзается
и лоб мой
время
с разбега крушит.
Прихолит
страшнейшая из амортизаций—
амортизация
сердца и души.
И когда
это солнце
разжиревшим боровом
взойдет
над грядущим

без нищих и калек,—
я
уже
сгнию
умерший под забором,
рядом
с десятком
моих коллег.
Подведите
мой посмертный баланс!
Я утверждаю
и знаю—не налгу
на фоне
сегодняшних
дельцов и пролаз,—
я буду
—один! -
в непролазном долгу.
Долг наш
реветь
медногорлой сиреной
в тумане мещанья
у бурь в кипеньи.
Поэт
всегда
должник вселенной,
платящий

на горе
проценты
и пени.
Я
в долгу
перед Бродвейской лампионией,
перед вами,
тифлисские небеса,
перед красной армией,
перед вишнями Японии,—
перед всем,
про что
не успел написать.
А зачем
вообще
эта шапка сене—
Чтобы целься рифмой
и ритмом ярись?
Слово поэта—
ваше воскресение,
ваше безсмертие,
гражданин канцелярист.
Через столетья
в бумажной раме
возьми строку
и время верни!
И встанет

день этот
с фининспекторами,
с блеском чудес
и с вонью чернил.
Сегодняшних дней убежденный житель
выправьте
в энкапеэс
на бессмертье билет
и высчитав
действие стихов
разложите
заработок мой
на триста лет!
Но сила поэта
не только в этом
что вас
вспоминая
в грядущем икнут.
Нет!
и сегодня
рифма поэта—
ласка,
и лозунг,
и штык,
и кнут.
Гражданин фининспектор—
я выплачу пять,

все
нули
у цифры скрестя!
Я
по праву
требую пядь
в ряду
беднейших
рабочих и крестьян.
А если
вам кажется,
что всего делов
это пользоваться
чужими словесами,
то вот вам,
товарищ,
мое стило—
и можете
писать
сами.

... „и можете писать сами“...

Цена 25 к.

